

Пролог

Почему-то я уверена, что если мне удастся забиться в тихий и укромный уголок, подальше от придворного шума и суеты, то я смогу вспомнить картины из своего раннего детства, еще до того, как мне исполнилось шесть лет. В общем-то, даже сейчас в памяти у меня сохранились смутные образы: например, низкие столы с ножками в виде львиных лап, подпирающих полированные каменные плиты. До меня до сих пор доносятся ароматы кедра и акации из открытых сундуков, в которых няня хранила мои любимые игрушки. А еще я нисколько не сомневаюсь в том, что если бы провела в приятном безделье целый день в роще платанов, то наверняка сумела бы представить наяву, как под звуки систрумов¹ во дворе воскуряют благовония. Но все они остаются лишь смутными образами, увидеть что-либо сквозь которые столь же трудно, как и сквозь тяжелую льняную пряжу, и первым моим по-настоящему отчетливым воспоминанием остается Рамзес, рыдающий в полутемном Храме Амона.

Пожалуй, я умоляла его взять меня с собой в ту ночь, но, скорее всего, моя нянька была слишком занята у постели принцессы Пили, чтобы заметить мое исчезновение. Но я хорошо помню, как мы шли по молчаливым чертогам Храма Амона и лицо Рамзеса было как у женщин с картины, на которой они умоляли богиню Исиду о милости. Мне было шесть лет от роду, и обыкновенно я болтала без умолку, но в ту ночь отчетливо понимала, что должна хранить молчание. Изредка я посматривала наверх, на нарисованные лики богов,

¹ Пояснения к реалиям Древнего Египта см. в Глоссарии в конце книги. (Здесь и далее примеч. ред.)

сменявших друг друга в мерцании наших факелов, и, когда мы подошли ко внутреннему святилищу, Рамзес впервые заговорил со мной:

— Оставайся здесь.

Я повиновалась и отступила в тень, а он приблизился к возвышавшейся над нами статуе Амона. Бога освещали зажженные лампы, расположенные полукругом, и Рамзес преклонил колени перед творцом жизни. Стук сердца гулко отдавался у меня в ушах, заглушая то, что он говорил богу шепотом, зато последние слова прозвучали громко и ясно:

— Помоги ей, Амон. Ей всего шесть лет. *Прошу тебя*, не дай Анубису забрать ее. Еще рано!

У противоположной двери святилища мне почудилось какое-то движение, и шорох сандалий подсказал Рамзесу, что он здесь не один. Он встал, вытирая слезы, а я затаила дыхание, когда из темноты, подобно леопарду, выскользнул какой-то мужчина. Пятнистая шкура жреца ниспадала с его плеч, а его левый глаз рдел алым, словно лужа крови.

— Где царь? — пожелал узнать верховный жрец.

Рамзес, собрав в кулак все мужество своих девяти лет, шагнул в круг света от ламп и заговорил:

— Во дворце, ваше святейшество. Отец не отходит от моей сестры.

— В таком случае где твоя мать?

— Она... она там же, с нею. Целители говорят, что моя сестра вот-вот умрет!

— Значит, твой отец отправил *детей* вмешаться в волю богов?

Только сейчас я сообразила, для чего мы пришли сюда.

— Но я пообещал Амону отдать ему все, чего он только пожелает! — вскричал Рамзес. — Все, что станет моим в будущем.

— И твоему отцу даже не пришло в голову обратиться ко мне?

— Пришло! Он просит вас пожаловать во дворец. — Голос у Рамзеса дрогнул и сорвался. — Как вы думаете, Амон исцелит ее?

Верховный жрец шагнул вперед:

— Кто может знать об этом?

— Но я ведь преклонил перед ним колени и пообещал ему все, чего он только пожелает. Я сделал так, как мне велели.

— Ты, может быть, и сделал, — резко бросил в ответ верховный жрец. — Но сам фараон не пожелал посетить мой храм.

Рамзес взял меня за руку, и, следуя по пятам за верховным жрецом, мы вышли во внутренний двор. Запел горн, нарушая ночную тишь, а когда на зов явились жрецы в длинных белых накидках, я подумала о превратившемся в мумию божестве Озирисе. В темноте разобрать черты их лиц не представлялось возможным, но когда их собралось достаточно, верховный жрец прокричал:

— Во дворец Малката!

Факелы впереди осветили нам путь, и мы шагнули во тьму. Наши колесницы помчались сквозь холодную ночь месяца *мехира* к Нилу. А когда мы переправились на другой берег и подъехали к ступеням дворца, стражники проводили нашу свиту в зал.

— Где царская семья? — требовательно спросил верховный жрец.

— В покоях принцессы, ваше святейшество.

Верховный жрец направился к лестнице.

— Она жива?

Никто из стражников не ответил, и Рамзес сорвался с места и побежал. Я поспешила за ним, боясь остаться одна в темных залах дворца.

— Пили! — выкрикнул он. — Пили, нет! Подожди!

Перепрыгивая через две ступеньки, он ворвался в покои Пили, и стражники на входе расступились перед ним. Рамзес распахнул тяжелые деревянные двери и замер на пороге. Напрягая зрение, я стала вглядываться в полумрак внутри. В воздухе стоял сильный аромат благовоний, а царица склонилась в траурной молитве. Фараон одиноко стоял в тени,

в нескольких шагах от единственной масляной лампы, освещавшей покои.

— Пили, — прошептал Рамзес. — *Пили*, — всхлипнул он, забыв о том, что принцу не полагается плакать.

Подбежав к кровати, он схватил сестру за руку. Глаза ее были закрыты, а маленькое тельце больше не сотрясали приступы кашля. С той стороны кровати, где стояла на коленях царица Египта, донесся судорожный всхлип.

— Рамзес, прикажи звонить в колокола.

Рамзес поднял глаза на отца, словно надеясь, что фараон Египта может заставить смерть отступить.

Фараон Сети кивнул:

— Ступай.

— Но я пытался! — выкрикнул Рамзес. — Я молил Амона.

Сети пересек комнату и одной рукой обнял Рамзеса за плечи:

— Знаю. А теперь иди и скажи: пусть начнут звонить в колокола. Анубис взял ее к себе.

Со своего места я видела, что Рамзес не решается оставить Пили одну. Она всегда боялась темноты, как и я, а теперь наверняка испугалась бы и бурных рыданий. Он заколебался, но голос его отца был тверд:

— *Иди*.

Рамзес опустил взгляд на меня, давая понять, что я должна сопровождать его.

Во дворе под перекрученными ветвями акации сидела старая жрица, держа в морщинистых руках бронзовый колокольчик.

— Ко всем нам когда-нибудь придет Анубис, — сказала она, и пар от дыхания призрачными клубами вырывался у нее изо рта.

— Но не за теми, кому исполнилось всего шесть лет от роду! — воскликнул Рамзес. — Особенно после того, как я молил Амона сохранить ей жизнь.

Старая жрица хрипло рассмеялась.

— Боги не слушают детей! Какие великие дела ты совершил, чтобы Амон услышал тебя? Какие войны выиграл? Какие монументы воздвиг?

Я спряталась за спину Рамзеса, стараясь укрыться в тени его плаща. Мы оба замерли.

— Где мог Амон услышать твое имя, — требовательным тоном продолжала жрица, — чтобы различить его среди тысяч тех, кто умоляет его о помощи?

— Нигде, — долетел до меня шепот Рамзеса, и старая жрица решительно кивнула.

— Если боги не смогут узнать ваших имен, то никогда не услышат и ваших молитв, — предостерегла она.